

Белая ворона

СТИХИ

Ната Лесная

Ната Лесная
Белая ворона. Стихи

«Издательские решения»

Лесная Н.

Белая ворона. Стихи / Н. Лесная — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500665-3

В данном сборнике стихов много «крылатых» стихотворений. Это и птицы, и ангелы, и бабочки наших душ. Много лирики, философских мыслей автора и поэтических сюжетов из самой жизни.

ISBN 978-5-00-500665-3

© Лесная Н.
© Издательские решения

Содержание

Вороной белой слыть готова	7
Очеловечит	8
Осень отрежет в прошлое пуповину	9
Фрески	10
Не то ангел не то белая голубка	11
Чайки—воровки	12
Не зря зовёшься – Че	13
Два крыла	14
Скрипач	15
Можно	16
Чертополохова рука	17
Молекулы любви	18
Какие души разные	19
Ангелы стучат в сердца	20
Камушки-перепёлки	21
Чернильное	22
Сохраним	23
Люди хотят	24
Он помнил всё	25
И капли крови капают стихами	26
Посеребрённое луной	27
Принцесса сна	28
В Эдеме	29
Всем ведьмам на зависть	30
Рубивший под корень	31
Семь таинственных ключей	32
Была ли	33
Не знавший нот любви	34
Если небо в груди	35
Молодость и Старость	36
На потом	37
Из тысячи	38
Всё больше ржавой меди	39
Повинны	40
Колокольцы	41
Тихим зверем	42
Отвадить	43
Камни	44
Наизнанку	45
Обнажает	46
От ума	47
Живёшь себе	48
Моё небо	49
Каменное сердце	50
У доброты нелёгкая судьба	51
Не будь она такой проказницей	52

И гривой рыжею тряхнёт	53
Синева	54
Не чужой	55
На излёте	56
Перелётные	57
Я в метелях душу закаляю	58
Но станет сердце осторожной птицей	59
Что—то сломалось в людях наполовину	60
Кыш	61
Минуй меня	62
Клубнично—розовый	63
На слух	64
Ландыши – слёзы	65
Извне	66
Мы станем листьями	67
Стать чище	68
Словно семя	69
Лунный кот	70
Привычки	71
Разлив индиго	72
Нетленна	73
Не ищи	74
Ценою в жизнь	75
Всё повторяется однажды	76
Подделка	77
Отковырни	78
Семь жизней	79
Не важен	80
Узелки	81
На карму чище	82
Не спасти	83
В каменных джунглях	84
Дорого	85
Доколе	86
Нет в мире для души прививок	87
Времечко	88
Однажды	89
Русские суровые медведи	90
Вопреки	91
Наполовину	92
Боимся	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Белая ворона

Стихи

Ната Лесная

*Эту книгу я посвящаю любимому отцу:
Хавторину Алексею Николаевичу*

© Ната Лесная, 2019

ISBN 978-5-0050-0665-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вороной белой слыть готова

Индивидом – рождаются.
Личностью – становятся.
Индивидуальность – отстаивают.

В борьбе за индивидуальность
Вороной белой слыть готова.
Ох, до чего же тривиальна
Закваска жизни и сурова!

Не любят тех, кто чуть умнее,
Не любят тех, кто духом крепкий.
И понимаешь всё острее,
Что «лес расходится на щепки».

И пусть штампуются шаблоны,
Не шьются души по лекалам!
А белые вороны склонны —
Не верить вовсе в идеалы!

Очеловечит

Смотри на воду и огонь,
Смотри на звёзд мерцанье!
Кузнечик прыгнет на ладонь —
Будь выше созерцаний.

Поймай невидимой волны
Магические токи
И стань частицей тишины,
И пей вселенной соки!

Ничто так не смягчит души
И не очеловечит,
Как шаль махровая тиши,
Упавшая на плечи.

Осень отрежет в прошлое пуповину

Тихая, юная, словно весны начало.
Помню себя такой до тебя /не после/.
Вёсны всегда служили кому—то причалом,
Только теперь владычица в сердце осень.

Мудрая, зрелая – ей ли не быть готовой:
Вспыхнуть, зажечь, уйти листопадом в зиму.
Тихой и юной уже не бывать мне снова —
Осень отрежет в прошлое пуповину.

Фрески

Я думала, что это снится мне:
Ты не ушёл, вращая в бархат ночи.
Все звуки растворились в тишине,
И на потом остались наши речи.

Ты превратился в август золотой,
Созрели чувства спелостью пшеницы.
Со зрелостью приходит и покой —
Запечатлею лучшие страницы.

Хмельное лето тянет руки в дом
И тербит ночные занавески.
А жизнь себе рисует за окном
На наших судьбах красочные фрески.

Не то ангел не то белая голубка

Не то ангел, не то белая голубка
На балкон всё чаще стали прилетать.
И такая тишина – вокруг ни звука,
А на сердце, словно пухом, благодать!

Не спугнуть бы, притворюсь и я пушистой
И на цыпочках насыплю им зерна.
Люди-люди, человеки—эгоисты,
Чем их полнится порою голова?

Прикормилась та голубка, да привыкла
И с протянутой руки брала зерно.
Вдруг созрела в голове мысль и возникла,
Что могу её потрогать за крыло.

Улетели: ангел то или голубка?
Всяк ли душу за кусок свою продаст?
Нить доверия внезапно станет хрупкой—
Если чувства в наших душах напоказ.

Чайки—воровки

Здесь раньше было скромно, но уютно:
Суровый вид Балтийских вод у берега,
Спокойно и совсем немногочленно —
Ловили чайки с птичьего разбега

Рыбёшку ловко, на потеху детям.
И те смеялись, хлопая в ладошки.
Так было уже несколько столетий,
Бросали в море птицам хлебной крошки.

Но стало больше в городе туристов,
Возрос и аппетит у белых чаек.
Кругом на берегу кафешки—быстро,
Мороженым теперь их угощают.

И чайки прибавляют в своём теле,
Но больше не хотят ловить рыбёшку.
Из рук хватают сладость, обнаглели.
Мороженое – слаще хлебной крошки!

Не зря зовёшься – Че

Не просто так, не в наказанье
Даётся человеку боль.
Чтоб знало, помнило сознание
Свои и место, и юдоль.

Живым даётся боль, не мёртвым,
Чтоб понимали в жизни все:
Не обменяешь боль на вёрсты
Невзгод и взлётов в кулаке.

Коль чуешь боль свою, родную,
То понимаешь – жив вовек!
А если чувствуешь чужую,
Не зря зовёшься – Че-ло-век!

Два крыла

Царит зима – бескрайние снега,
А белое так схоже с непорочным.
И снова вечность пробует на прочность:
То души, то сердца, то облака.

Но что такое вечность для души —
Мгновение земного притяженья,
А дальше только лёгкое скольженье
Туда, где время больше не спешит.

И остаются памятью стихи,
К которым вечность тоже прикоснётся.
Пусть белой крошкой облако прольётся:
На нас и наши смертные грехи.

Бескрайние и белые снега —
До неба жизни миг и два крыла.

Скрипач

Соседская девочка бойкой, весёлой росла.
С мальчишками бегала, вечно дралась во дворах.
Коленки разбиты и руки совсем в синяках —
Короче, из крепкого теста замесом была.

А тут по соседству приехал пацан погостить,
Он вместо футбола на скрипке всё время играл.
Да так, что вибрировал воздух и словно дрожал.
И эта девчонка вдруг стала всё чаще грустить.

Дворовый бомонд скрипача принял сразу в штыки
За то, что другой и совсем выделялся из стаи.
Обрушив на скрипку и парня свои кулаки,
Избив его, долго над ним сообща хохотали.

Разломана скрипка, разорвана в сердце струна.
Девчонка пришла и увидела – пальцы в крови.
«Теперь я твой ангел, ты руки свои береги!» —
Сказала и билась с толпой за того пацана.

Можно

Можно молча грустить, пить глотками из чашечки осень —
Вырастая из встреч в одиночество сумерек зимних.
Можно даже на ощупь попробовать зимнюю проседь,
Чуть касаясь ладонью заснеженных вьюгою линий.

Можно летопись вёсн занести в свою память стихами,
Заварив вкусный чай из весенних, душистых соцветий,
Но всех пламенных чувств мне не выразить просто словами —
Как не выпить всей мудрости пройденных тысячелетий.

Чертополохова рука

Июля знойного макушка —
В полях цветёт чертополох.
Застала бабочек врасплох —
С сачком бегущая девчушка.

Застыла вдруг – полна восторга,
Смешно курносый вздёрнув нос,
Считала голубых стрекоз
И норовила их потрогать.

Да вот засада, не пробраться.
Стоит, как страж, чертополох:
Колюч, душист и слишком строг —
Готовый с девочкой сражаться.

С минуту думала девчушка
И вдруг накинула сачок,
А тот попался на крючок!
«Что? – крикнул папа – Ты в ловушке?»

Не плачь, пусть стрекоза летает —
Её итак жизнь коротка!
Чертополохова рука
Своих, как видишь, охраняет!»

Молекулы любви

Где—то на задворках тёмных улиц,
В самом скромном уголке земли,
Взяли и нечаянно проснулись
От тепла молекулы любви.

И с лучами утреннего солнца
Ярко—жёлтой, золотой пылью,
Блеском настоящего червонца —
Брызнут неожиданно в лицо.

И пойдет реакция цепная:
Заиграет кровь в тебе вином.
Кто сказал что люди не летают —
Сны оповещают о другом.

Сердце подпевает милым птахам,
Хочется весь мир к груди прижать.
И любовь вселенского размаха
По молекулам в себя впитать.

Какие души разные

Какие души разные у всех:
У одного – весёлая синица,
А у другого – хищная лисица.
Не осуждаю, осужденье грех.

Быть может в прошлой жизни и моя
Душа была темнее чёрной ночи,
Но родниками земли мироточат
И полнятся дождями сентября.

А губы жаждут чистоты воды,
Как души очищенья ждут годами.
Их пряча за нательными крестами,
Об этом забываем часто мы.

Ангелы стучат в сердца

Как часто просим мы порой у Бога
Немного счастья личного себе.
Петляет жизни длинная дорога
По грешной и исхоженной земле.

И Ангелы стучат в сердца людские:
Берите счастье, жизнь короткий миг!
Но, правила всегда для всех такие:
Одно даётся счастье – на двоих!

Камушки-перепёлки

Вот и настало время —
Камушки собирать.
Сброшу все оперенья —
Правды не избежать.

Только не тянут камни
Мне ни спины, ни рук.
Мы в этой жизни сами
Почву растим для мук.

Знаю, в моей котомке —
Вера, любовь, стихи:
Камушки—перепёлки,
Что облака легки...

Чернильное

Чернильных ягод в маленьком лукошке
Девчушка не спеша несла домой —
Смешно сжимала в маленькой ладошке.
На лоб спадала чёлка бахромой.

Лучами солнце в ягодах купалось,
И те пускали сладко—терпкий сок.
А лето сочной зеленью врезалось
В подошвы обнажённых, детских ног.

Под пение синиц и птах крылатых,
По—детски лучезарно, без забот,
Тянулась ручка к ягоде измятой
И незаметно попадала в рот.

Пришла и прячет глазки—незабудки,
Но мама и без слов всё поняла:
Чернильными вдруг стали – ручки, губки.
И лишь пустой корзиночка была.

Сохраним

Лето разное у нас —
На большой Руси:
То горячее подчас,
То дождём грустит.

Пыхнет жаром по лугам,
Словно из печи.
А придёт седой туман,
Охладит ключи.

Гладь озёр хранит печать
От живой воды.
Лес, умеющий мечтать —
Здесь увидишь ты.

Неба чистый окоём —
Звёзд не сосчитать.
Сохраним и сбережём
Русь – родную мать!

Люди хотят

Птицы находят – небо,
Камни – своё ущелье.
Корни – под белым снегом
Ищут себе спасенье.

Люди хотят, как птицы:
Падают, но летают.
Чешется под ключицей:
Крылья? – Не вырастают!

Люди хотят, как камни:
Твёрдость иметь гранита.
Только уже веками —
Ищут в других защиту.

Люди хотят, как корни:
Из—под асфальта – к солнцу.
Только свои ладони
Греют в тени червонца.

Он помнил всё

Он помнил всё – мохнатый, старый лес:
Как сотни рук сажали деревца,
Тянулся кроной всем ветрам вразрез —
Лишь только ввысь, поближе к небесам;

Как обжигали «кожу» у стволов
Пожары летом и зимой снега,
Как заживляя у коры покров,
Он по ночам скрипел душой слегка.

Лес помнил всё: как начинался день,
Как просыпались птицы и зверьё.
Как прочь от солнца убегала тень,
Как человек охотился с ружьём;

Как поднимался к вечеру туман,
Стыдливо пряча речку и камыш;
Как маму звал заблудший мальчуган,
И вторил он ему: Услышь—услышь!
Как звёзды ночью падали с небес
На тонкокрылых, нежных мотыльков,
Как соловьи дарили полонез,
А люди вдохновлялись для стихов.

От жизни лес на тонкий волосок —
Его рубили вдоль и поперёк.

И капли крови капают стихами

Как песенный напев, любовь во мне —
Возмездием рифмующейся строчки,
Где вечность поклоняется луне
И звёздной пылью множится на точки.

Она перерастёт в любовь извне,
Где горний¹ ветер шёлковые сети
Полощет в изумрудной вышине,
Уснувших на мгновение столетий.

Ты слышишь – эту музыку любви,
Ветра её проносят между нами.
Она теперь течёт в моей крови,
И капли крови капают стихами.

¹ Горний – сходящий с небес.

Посеребрённое луной

Посеребрённые луной
Расправит ветер складки тени.
Мне никогда не стать иной —
В плену мучительных забвений.

А тень всё множится, плывёт
Туда, где аист мой на крыше
Давно уж больше не живёт —
Лишь время грусть мою колышет;

Накрыла дом и старый клён,
Гнездо воронье поглотила
И стёрла тысячи имен,
Разлив небесные чернила.

Посеребрённое луной —
Твоё лишь светится звездой.
Знай, никогда – никто другой
Моей не станется судьбою...

Принцесса сна

Не смею потревожить твой покой,
Принцесса сна теперь тобой владеет.
Нет—нет, я не ревную милый мой,
С годами стала чуточку мудрее.

Пытаюсь разглядеть лица черты:
Смягчились брови, сгладились морщины.
Мой ангел – не хватает только крыл!
Спит сном слегка уставшего мужчины.

Не смею потревожить твой покой —
Ты набирайся новых, свежих сил.
Я в сон вольюсь загадочной строкой —
На острие пера твоих чернил.

В Эдеме

Калило солнце камень и песок,
В Эдеме лето негой разливалось.
Взрослея, детство делало рывок
И с нашею наивностью прощалось.

И увлекало в бездну за собой
Щенячью беззаботность и весёлость.
Когда уходит детство на покой —
Ты за него испытываешь гордость.

Всем ведьмам на зависть

Испивший от солнца, всем ведьмам на зависть,
Крапивный красуется куст.
Нещадно, как лезвием, листья кусались —
Нарву целый ворох под хруст.

Нет—нет, я не Эльза, что братьев спасала,
Но тоже рубашку плела,
Чтоб спину укрыть, а поверх одеяло —
Любимому на два крыла.

Терпи моя радость – крапива излечит,
И снова ты будешь летать.
Ах, эти мужские и сильные плечи,
Крапива, не дай потерять!

Рубивший под корень

Хороший мужик жил – непьющий и трудолюбивый.
Он был дровосеком в соседней деревне /в лесхозе/.
Природа его одарила терпением и силой,
Рубил тот деревья и в зной, и на лютom морозе.

Да рано ушёл, хоронила его вся деревня,
Бросая во след свежесрубленный лапник еловый.
«Рубивший под корень» – пусть станут землицы коренья,
В последней твоей колыбели, пушистой основой.

Шли годы, вернулся в обитель отца дровосека
Уже возмужавший его сын /отец бы гордился/.
Он в городе N несомненно добился успеха,
Но всё же решил вернуться туда, где родился.

Поправил осевшие ставни, крыльцо и калитку.
И жизнь потекла: дом ожил, на глазах молодёя.
Вот только, когда сын ступал на лесную тропинку —
Щетинился лес и натравливал дикого зверя.

Семь таинственных ключей

Ускользает потихоньку лето в платьице цветном,
Захватив с собой котомку под сиреневым зонтом.
В той котомочке хранятся семь таинственных ключей:
Первый ключ – от самых тёплых и любимых мной ночей.

А второй ключ – к буйству красок разнотравья и цветов,
Память долго будет помнить лета красочный покров.
Третий ключ – к туманам белым и молочным берегам
Быстрых рек, где прячут сонно звезды млечность по утрам.

Ключ четвёртый – самый вкусный, ягод щедрый урожай
От души дарило лето, сколько хочешь собирай.
Пятый ключ – он музыкальный, песни птиц ласкали слух,
Шелест трав, ветров движенье – жизни быстротечной круг.

Ключ шестой – горячий очень, солнца яркие лучи
Летом землю укрывали, словно золотом парчи.
Ключ седьмой – для настроенья, дарит лето радость нам.
Послевкусием улыбка пробежится по губам.

Была ли

Была ли я птицей?
Была ли я ветром? —
Об этом поведают сны.
Несусь в колеснице
За снегом и ветром,
В объятия белой луны.

Лечу за зарницы.
За чудом? Ужели? —
За белыми крыльями для
Подстреленной птицы —
В немой колыбели,
С надеждой спасти журавля...

Не знавший нот любви

Не знавший нот любви, он шёл вслепую:
Беспечно, отрешённо и уныло,
Не ведавший, что жизнь совсем иную
Готовит ангел молча белокрылый.

Суровость дней читается в морщинах.
Сутулость плеч несёт в себе усталость.
Дорогой жизни шёл вперед мужчина —
В душе для веры места не осталось.

Но ангел наблюдал и улыбался:
Ещё один из тех, кто без причины
В своей судьбе и Боге сомневался.
О, почему же люди так наивны!

Поверь в себя, в божественную милость —
Любовь к таким на крыльях прилетает.
И чтобы в жизни этой ни случилось —
Обители своей не покидает.

Если небо в груди

Если небо в груди, значит щедрой души человеке.
И один из них это мой любящий, добрый Отец.
Про таких говорят: Он наверное Богом отмечен!
У таких, там где сердце, всегда есть огромный рубец.

Потому что себя не берёт, всё другим отдавая.
Потому что не делит людей на хороших и злых.
Потому что для неба равны все, а значит нет края
У добра и любви – Берегите любимых своих!

Молодость и Старость

Молодость и Старость повстречались,
Между ними завязался спор.
Молодость над Старостью смеялась,
Вынося ей строгий приговор:

«Ты стара, а значит уж никчемна,
Уступи дорогу молодым!»
Старость ей: «Ты так высокомерна,
Обрезает ангел крылья злым.

Не кори за дряхлость и седины,
У морщин особенный искус.
Как расплещешь жизни половину —
Лишь тогда узнаешь её вкус».

Молодость хвалилась красотой:
«Я цветущий, пахнущий бутон!»
Старость улыбалась с доброю:
«Все проходит, Молодость, как сон!»

Та опять здоровьем похвалялась,
Силой мысли, живостью ума.
Старость на неё не обижалась —
Ведь сама такую же была.

На потом

Заглянула нынче ночью бессонница,
В приоткрытое немного окно.
Говорит, что до стихов – ох, охотница.
Заходи, не спится мне всё равно.

Ночь чернила разливала над городом,
А мои лились на лист, да в строку.
Обернулась вдруг бессонница вороном,
Полетала – и в ночную пургу!

Потерялась рифма, вежды смыкаются,
Как магнитом тянет сладко на сон.
Ночником на небе звёзды включаются,
Оставляю все стихи на потом.

Из тысячи

В глубинных колодцах столетий —
Вся мудрость накопленных лет.
Песчинкой прекрасных соцветий
Стихи в них оставят свой след.

И сквозь мириады томлений —
Пожухлых, обыденных дней,
Из тысячи стихотворений —
Вдруг вспыхнет заря среди камней!

Всё больше ржавой меди

Всё меньше в душах серебра —
Всё больше ржавой меди.
Дорогой мира и добра
Идти б до самой смерти.

Но нет же – тянет за рукав
От демона лукавый,
Святое в помыслах поправ,
Вино льёт из отравы.

И всяк, кто только пригубил,
Сбивается с дороги.
О, дай, Всевышний, людям сил —
Искоренить пороки!

Повинны

Маленькие совсем ладони,
Сморщенные землёй и ветром.
Ты их целуй, целуй и помни —
Пахнут они добром и летом.

Им ли не петь с тобой нам гимны?
Этим ладоням, несущим радость.
Пред матерями – все повинны
В том, что не чтим достойно старость.

Колокольцы

Никогда не устану слушать
Музыкальный оркестр из птиц.
Что-то близкое в наших душах:
От соловушек и синиц.

Заиграют на птичьей флейте —
Замирает моя душа.
Лейте музыку, птицы – лейте!
Как и сколько, уж вам решать.

Нет ни фальши, ни фонограммы —
Настоящий и чистый звук!
Колокольцы лесного храма,
Разливаясь, ласкают слух.

Тихим зверем

Ты тихим «зверем» спишь доколе,
Твою не потревожат честь.
Постой, вскипевший гневом, воин!
Отбрось нахлынувшую месть.

Поверь, отравлен будешь ею:
Сгорят и сердце, и душа.
Оставь бредовую затею —
Ходить по лезвию ножа.

Давай сниму твою усталость,
Пусть будут помыслы чисты.
Поверь, смирение – не слабость,
Лишь разновидность доброты!

Отвадить

Отвадить во языцах многобожие
И окропить водой святою Русь.
Сегодня в настоящем мало прошлого,
А хочется сказать: Я им горжусь!

Но, что такое гордость и величие,
Когда гордыня тяжкий, смертный грех?
Пусть не теряет Русь ни в чём обличия,
Достоин лучшей жизни человек!

Камни

Жил на свете очень добрый ангел —
Всем бесплатно крылья раздавал.
Был он стар, людьми до боли ранен,
Но о счастье на земле мечтал.

Только неподъёмной была ноша —
Люди брали крылья напрокат,
Но они не приживались к коже,
Возвращался ценный дар назад.

Плакал и смеялся добрый ангел,
Но понять совсем никак не мог:
Люди носят в душах своих камни,
Значит и летать им невдомёк.

Наизнанку

Земля плодородна —
Послал бы Бог солнца
И тёплых, весенних дождей!

Прости, старомодно,
Но только с колодца —
Тебя напою и друзей.

Звенящее утро,
Кисельные реки
Туманов по травам плывут.

Чу, рос перламутры
На хвойные веки —
Туманной слезой упадут.

И дятла морзянка
Размашистым эхом
Добавит звенящей красы.

Кукушка—гадалка
С огромным успехом
На миг остановит часы.

Обнажает

Мир прекрасен в своем величье:
Небо, горы, долин простор.
Не воспеть красоту на птичьем,
Не объять с высоты ветров.

Не прочувствовать диким зверем.
Не уйти с головой на дно,
Океанскому брюху вверив
Всё, что Богом тебе дано.

Не вплести золотые ленты
В тёмный омут очей стрекоз,
И не стать никогда легендой
Животворных метаморфоз.

Но души пропитав «сорочку»
Красотою родной земли,
Сердце вдруг обнажает строчку —
О вселенской, большой любви!

От ума

Так вкусно пахнет пирогами.
Их в детстве бабушка пекла:
С капустой, вишнями, грибами —
Пусть память будет ей светла!

Так ненавязчиво, с любовью
Учила дружбе и добру.
Молилась нашему здоровью
И миру – к общему двору.

Учила если что, не хныкать:
Будь то заноза иль ушиб
И пальцем на других не тыкать.
Ох, не любила страшно лжи.

Тогда казалось, вспоминаю,
Что слишком бабушка строга.
И лишь теперь я понимаю,
Что строгость эта – от ума.

Живёшь себе

Живёшь себе и думаешь, что зрячий,
Что слухом и умом не обделён.
И метишь быть ловцом своей удачи,
И счастлив, и почти-что окрылён.

А годы брызнут в несколько мгновений,
Потомством на земле оставив след.
И вдруг Господним, чистым озареньем
Ты понимаешь – как был глух и слеп.

Моё небо

Опускаю лицо в ладони —
Ни от скорби, ни от стыда.
Никогда не была тихоней,
А сейчас тихая вода.

Закрываю глаза и вижу:
Моё небо в твоей груди.
Не взбираюсь давно на крышу,
К небу ближе ведут пути.

От тебя до меня – дыханье.
И склонившись на грудь твою,
Погружаюсь своим сознанием
В это небо – в моём раю.

Каменное сердце

В тебе сложились: дюжина страстей,
Ветров певучесть, тонкость оригами.
Влюблённая в рассказы Мураками,
Ты для меня всех ценностей важней!

В тебе сложились: свежесть ранних зорь
И спелость /душу греющих/ закатов,
Теряющихся в медных перекатах,
Созвучие моё – моя юдоль!

В тебе сложились: вечности покой
И хрупкость крыльев на стрекозьем тельце.
Одно касанье нежности щекой —
И оживает каменное сердце.

У доброты нелёгкая судьба

У доброты нелёгкая судьба:
Не в силах отказать тому, кто просит.
Она своей покорности раба,
А ведь просящих иногда заносит.

Возникнут мысли: Мне бы на покой!
Поистрепались крылья, сколько можно.
Но слышит: Помоги! – и рвётся в бой,
У доброты все просьбы неотложны.

Не будь она такой проказницей

Снег оплывал под щебетание
весёлых птиц.
Неслось ручейное журчание
По склонам вниз.

И облаков лазурных россыпи,
Лишь пригубив,
В ручьях весенней, нежной просини
Пьют воробьи.

И отголосками стозвонными
К нам шла весна:
Ночами тёмными, бессонными,
Как день ясна.

Звенит капелью, ветром дразнится —
Всё ко двору.
Не будь она такой проказницей —
Не быть теплу.

И гривой рыжею тряхнёт

Не расплескать бы предрассветный,
Чуть розоватый свет зари
И любоваться незаметно,
Как тот касается земли.

И вся она в ответ ликует,
Румянцем вспыхнув и горя.
О, эти неба поцелуй,
В объятьях ранних октября!

И льётся-льётся спелым соком
Из сердца солнца свет зари
На лес, озёра – ненароком,
Чтоб осень заново взбодрить.

И та, проснувшись, выгнет спину,
Да гривой рыжей так тряхнёт,
Что листьев больше половины
Отправит за собой в полёт.

Синева

Синева кругом, си-не-ва!
Глянь, купается в речке небо.
А по небу сплошь кружева
Облаков, белоснежной негой.

И во ржи, словно россыпь звёзд,
Васильками встречает поле.
Я не знаю прозрачней слёз,
Чем роса в луговом покрове.

Синеvu родниковых вод,
Животворных – лакaет небо.
А потом вдруг наоборот,
Родники – осиняют² нёбо.

Синева куполов церковей
Колокольцем звенит наружу.
Эта синь мне всего милей,
Потому что – запала в душу.

² Осиняют – от слова синий.

Не чужой

А ей не хотелось похожею быть на других.
Да впрочем, она и не думала даже об этом.
По комнате солнце гуляло везде рикошетом,
И чай был заварен не так как всегда – на троих.

В открытые окна сочилась цикад стрекотня,
И гулко звенела, от стен /без ковров/ отлетая.
Да слышалась диких собак за калиткой возня,
Лежал на столе шоколад и обиженно таял.

Вдруг скрипнула дверь и мужчина зашёл на крыльцо.
Душа, как пружина, нечаянно сжалась при этом.
Закрыла ладонями дочка поспешно лицо,
Напуганная незнакомым, чужим силуэтом.

Отец ей сказал: «Я тебе ведь совсем не чужой!
Прощайся с бабулей и вещи пакуй в чемоданы!»
Но девочка искренне с детской и чистой душой
Ответила резко: «Бабуля была вместо мамы!»

И если ты хочешь, чтоб я была рядом с тобой,
Свои разбирай чемоданы и здесь оставайся.
Я бабушке старость встречать не позволю одной,
А нет, уходи и сюда больше не возвращайся!»

На излёте

Солнце жаркое стоит – день в зените.
На излёте лето к нам подошло.
Плыли мы с тобою, как по орбите,
Ведь бывает так вдвоём хорошо.

Словно дети, прятались в травостое,
Пили небо в родниковой воде.
Было счастье, словно ситец, простое.
Но такое не познаешь нигде.

А потом, когда закат зарождался,
Шли к реке, в тумане прячась от всех.
И в меня ты, как мальчишка, влюблялся —
Не забыть красивых, грешных утех.

И стыдливо наша речка краснела,
Да шумел камыш в запрудном полку.
А любовь, туманом скрытая белым,
На излёте была в самом соку.

Перелётные

Словно птицы перелётные,
Всё летят мои года.
Раньше были беззаботные,
А теперь годок за два!

Помню девочкою юною
Быть взрослей хотела я.
А теперь года баюкаю,
Не стреножат пусть коня.

Только времечко безжалостно:
Дремлет там, где счастья нет.
И летит быстрее паруса,
Если счастья виден след.

Я в метелях душу закаляю

Феврали шьют белые одежды —
Перемножив радости и боль,
Затеряюсь в вихре белоснежном,
Примеряя зимнюю юдоль.

Не кричу, не плачу и не маюсь,
Отрезвляет голову мороз.
Обречённость движется по краю,
Пробирая до костей насквозь.

Я в метелях душу закаляю —
Белый снег рождает чистоту.
Весь окутан снежною вуалью
Спящий город рано поутру.

Белой птицей сердце обернётся,
До весны теперь легко дожить.
Закалённым душам удаётся
По иному этот мир ценить.

Но станет сердце осторожной птицей

Как холодно: ни писем, ни звонка.
Устала от немого ожиданья.
Спустилось небо ниже потолка.
И кажется теряется сознание.

Каким неинтересным стал вокруг
Весь мир, ещё блистающий недавно
Под двухсердечный, лёгкий перестук —
Теперь всё это кажется случайным.

Как жаль, что память долго всё хранит.
Увы, не сжечь отдельные страницы.
Со временем всё в сердце отболит —
Но станет сердце осторожной птицей.

Что—то сломалось в людях наполовину

Люди всё чаще целятся людям в спины.
Не из ружья конечно же – словом, взглядом.
Что—то сломалось в людях наполовину.
Кто—то им явно впрыснул под кожу яда.

Вроде бы, добродушный и человечный.
Но, не дай Бог ему «перейти дорогу»!
Будешь словесно—бранной убит картечью.
Кто—то все чаще сеет вокруг тревогу.

Кыш

Они прожили тридцать с лишним лет —
И Бог не дал им сына или дочку.
А в это время родила на свет
Не женщина – «кукушка» тёмной ночью.

Хорошенький и пухленький малыш
Кричал и всё тянул ручонки к маме,
Но та ушла, сказав ребёнку: Кыш!
И потянулась жизнь по ресторанам.

Так пухлый мальчик вдруг осиротел
И стал бы детский дом его приютом.
Мне впору бы поставить здесь пробел,
Но изменило ход событий утро.

И было оно добрым и цветным:
Из ленточек, конфет, шаров и лилий.
Так оживают вдруг мечты и сны —
Ребёнка взяли и усыновили.

С него боялись волос уронить
И баловали всем, чем только можно.
Он не умел делиться, лишь просить,
И эгоизм въедался прямо в кожу.

Давно женился пухленький малыш
/Его, увы, любить не научили/,
Сказал приёмной маме грозно: Кыш!
И стал привольно жить в её квартире.

Но небо платит всем всегда сполна
И бумерангом слёзы возвращает.
Сказала: Кыш! – ему теперь жена.
А мама? Мамы³ детям – всё прощают.

³ Даже приёмные!

Минуй меня

За золотым тельцом весь мир в погоне.
И хруст купюры каждому известен.
О, сколько их касается ладоней!
О, скольких те купюры обесчестят.

Одним икра, другим и булка в радость.
А вроде бы – равны все при рожденьи.
О, сколько бы купюр мне ни досталось —
Минуй меня завистливость и жадность!

Клубнично—розовый

Проснётся солнце золотое,
Румянцем небо полыхнёт,
Тепло лучей по доброй воле
Прольёт на землю, словно мёд.

Люблю встречать его рассветы,
Любуясь мантией небес,
Когда в клубничное одеты
И тихий плёс, и спящий лес.

Ещё молчат певуны—птахи.
И город тих, без суеты.
Подобно жёлтой черепахе,
Не торопясь до высоты,

Вставало солнце на колени —
Клубнично—розовый рассвет!
И я – песчинка в этой сцене,
Смотрю с восторгом солнцу вслед.

На слух

Сегодня ночь для тех, кто в жизнь влюблён.
Идём со мной – и ты не пожалеешь.
Цвет ночи размывает окоём,
А ты её на слух «читать» умеешь?

Нежнее пуха – это мотыльки.
Их еле уловимое порханье
Нет—нет коснется краешка щеки —
Нежданное, приятное свиданье.

Шуршит трава, не наступи – смотри,
Колючий ёжик вышел на охоту,
Спешит, найти б добычу до зари,
Пока стоит отличная погода!

Кузнечики стрекочут – кто сильней,
А на подхвате вразной лягушки.
И перлы ночи – летний соловей,
Отсрочь своё свидание с подушкой!

А звёздный дождь /он так же, как грибной/
Блеснуть успеет до восхода солнца
Хрустально—чистой, радужной росой
И будет ночь вся выпита – до донца!

Ландыши – слёзы

В древнеславянских сказаниях хозяйка подводного мира Волхова отказалась от своей любви к гусляру Садко, во имя его любви к земной девушке – Любаве.

Волхова плакала ночами
При лунном свете у реки.
Из слёз, навеянных печалью,
Вот—вот проклюнутся цветки.

Цветок тот ландышем зовётся —
Неразделённый плод любви.
Пусть нежным запахом прольётся
Печаль по краешку земли.

Ты не дари мне на свиданье
Букетик ландышей лесных:
В них слёзы хрупкого созданья
И ожиданий гроздь пустых.

Извне

Порханье мотылька в ночи —
Немного грустная картина.
У этой грусти нет причин —
Она, как музыка, глубинна,

Коснётся мыслей и души
И устремится к подреберью.
А ночь страницами шуршит,
Вишнёвой ластится метелью.

Не спится филину и мне.
Весна в цвету – благоухает.
И эта музыка извне —
Меня сегодня вдохновляет!

Мы станем листьями когда—то

Мы станем листьями когда—то
И с древа жизни облетим.
Не будет к прошлому возврата,
Ведь бег эпох необратим.

Ну а пока живем и дышим
И бороздим простор земли:
Будь ты богатым или нищим —
Нет счастья в жизни без любви.

Стать чище

Как здорово, как весело, как празднично!
Встаёшь с утра и видишь белый снег.
И в руку сон /случился не напрасно/:
Большой и белый, снежный человек

Зовёт тебя и манит снежной лапой
По лунной и светящейся тропе.
А с неба снег – пушистый и лохматый.
И места нет обычной суете.

Так будущее видится, с надеждой.
И страхи перед ним развеет снег.
Ведь в этом мире, бесконечно грешном,
Стать чище хочет каждый человек.

Словно семя

Тихий вечер. Лето отзвучало.
Я люблю такие вечера.
В тишине берут своё начало
Самых древних истин Имена:

Целомудрие, Любовь, Покорность —
Как взрастить в себе одно из них?
Всё, что раньше было иллюзорно —
Словно семя, возвращает стих.

ЛУННЫЙ КОТ

*Эта песенка написана по просьбе маленькой Софии
и посвящается ей*

А я иду, гуляю по Луне.
На небе звёзды ярко светят мне.
И вдруг навстречу вышел лунный кот
И песенку поёт:

Припев:

Я серебристый, лунный, хитрый кот.
Мне на луне во всём всегда везёт.
Охочусь я на лунных здесь мышей,
Пою для малышей.

И я во сне с котом, как наяву.
В обнимку эту песенку спою.
И все слетятся к нам с других планет
Послушать наш дуэт:

Припев:

Я серебристый, лунный, хитрый кот.
Мне на луне во всём всегда везёт.
Со мной в обнимку девочка из сна —
И к нам пришла весна!

Привычки

Как слаб человек и от силы привычки зависим.
И я признаюсь, этим тоже немного грешу.
Привычную жизнь мы без них уже просто не мыслим.
Так, с целой котомкой привычек по жизни хожу.

Давно бы пора навести в той котомке порядок,
Да выбросить пару иль тройку привычек долой.
Но так прилипают – беда с ними и неполадок.
Что я на привычки привычно махнула рукой.

Разлив индиго

Хочется бросить всё и уйти на дно.
Может морское, может ещё покруче!
Ветер опять без спроса нагнал к нам тучи.
Крылья надеть бы и улететь в окно.

Рыбой ли, птицей – в море и небе синь:
Над облаками и под морской волною.
Жалобно проскулив, за моей спиною
Скажет февраль простуженно мне: Аминь!

Что ему на прощанье сказать: Пока!
Хочется в небе видеть разлив индиго,
Где нарезают воздух легко и дико
Утки, подставив ветру свои бока.

Хочется больше солнца, его лучей.
Бросить бы всё, но я потерплю немного!
Знаю, весна протопчет и к нам дорогу,
Выпав в небо вестниками – грачей.

Нетленна

И снова сердце задрожало,
Кому—то спится, но не ей.
В груди застряло где—то жало
И с каждым часом всё больней.

Спит безмятежно сын в кровати,
Как стал похож он на отца.
Поправит Юля нежно прядки —
Совсем ещё мальчишка мал.

Вдруг ветер шторами играет —
Глядь, голубь белый прилетел.
«А ты прости, Господь прощает!» —
Воркуя радостно, пропел.

«Да как же мне простить измену?» —
Сказала Юля с хрипотцой.
«Любовь и здесь, и там – нетленна! —
Воркует голубь за спиной —

Прости, а небо вам поможет:
Забуть тебе, понять ему,
Что нет и не было дороже,
Любить сынишку и жену».

Вновь ветер шторами играет
И птицы вовсе не видать.
Привиделось? Да кто же знает,
Осталась в сердце благодать.

А утром постучали в двери.
«Прости! – сказал муж – Не казни!»
Вдруг закричал сын: «Папа – Перья!
Их кто—то в спальне обронил».

Не ищи

Не ищи меня там, где от пепельниц смок пепелищ.
Не ищи на осколках бывшего, в толпе и на паперти.
У меня нет судьбы и сегодня блажен я и нищ,
Не ищи в кулуарах растрёпанной поиском памяти.

Оставляю в миру своё имя, а значит судьбу.
Рву невидимой нити концы, отсекая всё личное.
Ветер спросит всего лишь однажды меня: Почему?
Потому что в душе, кроме Бога, теперь только лишнее.

Ценою в жизнь

Бывает день – дороже года,
Бывает год – не стоит дня.
Проходят время и невзгоды,
Всё в жизни пишется не зря.

Ты помнишь, как мы повстречались?
Как стал вселенной миг один!
Как вдруг от счастья задыхались,
Сплетая нити сердцевин.

И да и нет! И жар и холод,
И восхищенье, и укор.
Ты словно надвое расколот,
Себя невидящий в упор!

Бывает год – не стоит цента,
Бывает день – ценою в жизнь,
Когда ты платишь по процентам
За выбор свой – до самых Тризн

Всё повторяется однажды

Миндально—розовый рассвет
В плену великого начала.
О, если ты в душе эстет
Поймешь, как зорька величава.

Румянцем речка вспыхнет вдруг,
Рассвету радуясь спросонья.
И грусть не вытканых разлук
Смирненно ляжет на ладони:

Качай её и по реке
Пускай корабликом бумажным.
И день начни свой налегке —
Всё повторяется однажды:

Метель вишнёвая, стихи,
Безоблачного неба кромка,
Надежды робкие штрихи,
Мерцанье светляка в потёмках.

Подделка

Привязанности, страсти, увлечения —
Всё, что душа захочет и приемлет
В угоду слуху, сердцу, вдохновенью,
Зовут любовью люди с упоеньем.

И лишь с годами понимаешь только,
Что сердце у любви не батарейка!
Оно вселенной маленькая долька.
Всё остальное – пафос и подделка!

Лишь та, любовь – которая бессмертна,
Как звёзды под луной, ветра на воле.
Лишь та, любовь – которая безмерна
И в радости земной, и в общем горе.

Отковырни

Отковырни коры кусочек —
Заплачет дерево смолой.
Когда читаешь между строчек,
То смысл видится иной.

Отковырни души кусочек
И ты увидишь, что внутри:
Небесной сини колокольчик
Иль смоляной, вороний лик.

Семь жизней

Ты говоришь, что есть семь жизней
И будет шанс исправить всё.
А небо – небо всё пушистей,
И света – света столько в нём!

Зачем мне семь? Свою прожить бы,
Да так уж, чтобы не краснеть.
Свои мы сами лепим судьбы —
Порой приходится потеть.

Кто хочет, тот находит время:
Исправить что—то, подлатать,
Посеять маленькое семя
И терпеливо всходы ждать.

Уходит женское начало
Корнями вглубь родной земли.
И та дарит нам величаво
Плоды семян, что проросли.

Не важен

Входишь в дом многоэтажки,
Там полно чужих дверей:
Старых, новых /как близняшки/,
Дорогих – любых мастей.

Как в загадочном кармашке
Чародея – не узнать,
Где же в праздничной рубашке
Счастье будет ночевать.

Ведь ему совсем не важен
Статус и цена двери.
Главное, чтоб был налажен
Микроклимат свой внутри!

Узелки

С годами мы становимся мудрей,
Сполна вкусив всю соль испытых дней.
И то, что раньше виделось тревожным,
Питало ядом сердце, душу, кожу —

Теперь такой всплывает шелухой,
Что сам порой смеёшься над собой.
Но память прочно вяжет узелки —
На все ошибки наши и грехи.

На карму чище

Наступит день, когда поймёшь —
Что перед совестью в ответе!
Разоблачишь на сердце ложь —
На карму чище на планете.

Ничто так не грязнит души,
Как ложь, пусть даже во спасенье.
Разоблачай её, души —
Господним, чистым откровеньем!

Не спасти

Разве можно верить тем, кто предал раз:
Не спасти червивых яблок, не спасти!
Льются реки льстивых слов – все напоказ,
Наберется ль правды в них на две горсти?

Сердце доброе – поверит и простит:
Так Любовь велит, и так Господь учил.
Только сладкий мёд и тот теперь горчит,
Да душа своих не видит белых крыл...

В каменных джунглях

В каменных джунглях больших городов
Дети собакой коров называют.
В каменных джунглях так много следов:
Коль затерялся – тебя забывают.

Всё хорошо бы – прогресс на лицо:
Тянутся ввысь небоскрёбы бетона.
Только вот снится всё чаще крыльцо
Возле реки – деревянного дома.

Где дышит свежестью утренний плёс,
И на туманах настояны травы.
Небо купается в капельках рос,
Солнце встречают расцветом купавы,

Где нет бетона, асфальта, машин —
Есть только хрупкие вены природы.
Здесь, только здесь откровенье души
И полноценное чувство свободы!

Дорого

Не люблю бриллианты – дорого!
И фальшивки мне ни к чему.
Не заменят алмазы—золото
Благодати небес – весну.

Как придёт, да обнимет ласково,
И проснётся в деревьях плоть.
Брызнет зелень наружу наскоро.
Милосерден Творец—Господь!

Возлюбуюсь, проникнусь соками
Молодецки—живой весны:
Несмышлёная, синеокая —
Никогда не живёт взаимы!

Доколе

В жизни всё – почти как в школе:
Коль валяешь дурака,
Ты не сдашь зачёт доколе,
Жизнь не даст тебе пинка!

И совсем не угадаешь,
Где тебя экзамен ждёт.
То находишь, то теряешь:
Делай ход на шаг вперед!

Нет в мире для души прививок

Общаясь с умным человеком,
Ты сам становишься умней!
Как молвил гениальный Чехов:
«Один из ста – не дуралей!»

Общаясь с личностью весёлой,
В себе обрящишь⁴ яркий свет.
Общаясь с личностью суровой —
Суровости находишь след.

Нет в мире для души прививок,
Хранит молчанье новый век.
И понимаешь без ухмылок,
Увы – заразен человек!

⁴ Соответствующий глагол несовершенного вида – обретать. Приставка: об-; корень: -рящ-; суффикс: -и; глагольное окончание: -ть.

Времечко

Словно ветреная школьница —
То спешит, то тормозит,
Время вылилось бессонницей —
В свой ночной ко мне визит:

То перебирает бусинки
Капель звонких за окном,
То качается на кустиках —
И опять ко мне, в мой дом.

Всё ему подвластно гению:
Разлучить ли, помирить.
Люди чаще по течению
Норовят по жизни плыть.

Времечко не остановится
Ни пред кем и ни пред чем:
Просто выльется бессонницей,
Пусть подумают – Зачем?

Однажды

Однажды под звездами вызрело новое чудо:
Из пены морской появился на свет человек.
Он шёл в Никуда из далекой страны Ниоткуда,
Собой на земле открывал Homosapiens-век.

Всевышним целованный в сердце и солнцем в макушку,
Идеей ведомый, желанием выжить и жить —
Раскручивал жизнь, как рулетку, по полной катушке
И так заигрался, что впору всем миром вершить!

Но всякому овощу свой отведён огородец!
И пена морская нахлынула с силой такой,
Что смыло тщеславный, зазнавшийся горе-народец.
И вновь стала жизнь полноводной и пенной рекой.

Русские суровые медведи

Смотришь, «закипает» человек.
Что ж, воды в нём больше половины.
Если люди в чём—то и повинны:
Жизнь у них – по круговерти бег!

«Булькает, краснеет и кипит»,
Словно самовар из красной меди.
«Русские, суровые медведи!» —
Так о нас Европа говорит.

Можно улыбаться, можно нет,
Но дразнить медведя – мысль плохая.
Шлёпнет насмерть /вроде бы играя/,
Не накликать бы – одну из бед!

Вопреки

Тот, кто хотел вернуться – всегда вернётся.
Тот, кто хотел дожидаться – вас будет ждать.
Если в душе конечно не оборвётся
То, что умеет /и вопреки/ прощать.

Тот, кто любовью движим, как солнце в небе.
Всех озарит теплом и добром души.
Я за таких готова стоять молебен —
Лишь бы хотели люди добро вершить.

Наполовину

Пока нас чувства не покинут,
Мы жизни различаем вкус.
Нельзя любить наполовину,
Любовный мёд срывая с уст.

Нельзя наполовину верить:
Ты или веришь, или нет.
Мерилом веру не измерить,
И там где вера – ясный свет.

Быть кем—то /так наполовину/
Нельзя, ведь мы не для того
По жизни рвали пуповину,
Чтоб «чем—то» стать из «ничего».

Боимся

Все обиды наши копятся годами
За душой, пуская споры по крови.
И боимся мы себе признаться сами:
Бог простит и мы когда—нибудь простим!

От обид густеет кровь по тонким венам,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.